

Невлютов Марат Раилевич, кандидат архитектуры, MA in Sociology Манчестерского университета, старший научный сотрудник. ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ), Россия, Москва, пр. Вернадского, 29. 119331. mnevlyutov@gmail.com. Researcher ID: L-3579-2018, ORCID ID: 0000-0003-0671-7187

Nevlyutov Marat Railevich, PhD in Architecture, MA in Sociology University of Manchester, senior researcher. Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, Branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation, 29 Vernadsky Avenue, 119331 Moscow, Russian Federation. mnevlyutov@gmail.com. Researcher ID: L-3579-2018, ORCID ID: 0000-0003-0671-7187

МЕЖДУ ПОЭТИКОЙ И РИТОРИКОЙ. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД АЛЕКСАНДРА СТЕПАНОВА

BETWEEN POETICS AND RHETORIC. THE PHENOMENOLOGICAL METHOD OF ALEXANDER STEPANOV

Аннотация. В статье представлен анализ некоторых теоретических ходов известного российского феноменолога архитектуры Александра Степанова. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает введенная теоретиком концептуальная пара «поэтика и риторика». Она является, во-первых, радикальной реакцией на своего предшественника в истории архитектуры — пару «геометрия и риторика» Леона Баттисты Альберти, а во-вторых, феноменологической интерпретацией отношений между идеей и воплощением художественного произведения. Поэтика указывает на вневременные образы, возникающие в архитектуре и городе, риторика отвечает за воплощение этих образов в конкретном историческом, социальном и других контекстах. Несмотря на кажущуюся простоту, эти отношения являются крайне проблематичными и создают массу методологических трудностей при попытках точного определения и разделения двух понятий. Степанов предлагает оригинальную схему, в которой риторика и поэтика существуют одновременно и не могут быть отделены друг от друга. Разобраться в теоретических построениях нам помогут две фундаментальные монографии Александра Степанова, которые вдохновили нас на написание этого эссе: «Феноменология архитектуры Петербурга» и «Очерки поэтики и риторики архитектуры».

Ключевые слова: феноменология архитектуры; Александр Степанов; поэтика; риторика; геометрия; образ; воплощение; идея; контекст.

Abstract. The article presents an analysis of some theoretical methods of the famous Russian phenomenologist of architecture Alexander Stepanov. The conceptual pair of poetics and rhetoric, introduced by the theorist, deserves special attention, in our opinion. First, this pair represents a radical reaction to its predecessor in the history of architecture, the Alberti's geometry and rhetoric pair, and secondly, it is a phenomenological interpretation of the relations between the idea and the embodiment of the work of art. Poetics points to the timeless images that emerge in both architecture and the city; rhetoric is responsible for translating these images into particular historical, social, and other contexts. Despite its apparent simplicity, this relationship is extremely complex and poses a variety of methodological difficulties. Stepanov offers an original scheme in which both rhetoric and poetics exist simultaneously and cannot be separated from each other. Two of Alexander Stepanov's fundamental monographs that have inspired this essay, "The Phenomenology of the Architecture of Petersburg" and "Essays on the Poetics and Rhetoric of Architecture", will help us to grasp these theoretical constructions.

Keywords: phenomenology of architecture; Alexander Stepanov; poetics; rhetoric; geometry; image; embodiment; idea; context.

Введение

Попытка артикулировать феноменологический метод в архитектурной теории — задача непростая. Кажется, что всякий метод предполагает сведение любого мышления, даже самого художественного и поэтического, к определенному числу и типу операций, жесткой стратегии концептуализации. В интерпретации многих теоретиков феноменология архитектуры предпочитает строгому порядку хаос субъективных переживаний и интуитивных манипуляций. Во многом они правы. Однако это не значит, что феноменология не может предоставить архитектурной теории строгий метод. Чем же еще является тот способ и тот набор ходов, каким феноменология предлагает воздерживаться от окончательного раскрытия тайны художественного произведения, тайны архитектуры и города?

В поисках ответов на вопросы о парадоксальной методологической сущности феноменологического метода в своих исследованиях автор ранее обращался к философии и теории архитектуры второй половины XX в. [7]. Нами была предпринята попытка артикулировать некоторые категории и принципы феноменологии архитектуры, которые образуют теоретическую систему или феноменологический метод. Главной задачей проведенной работы было понять, как философские стратегии могут быть применены к архитектуре, каким образом работают категории места, материала, тела, ритуала и др., как здания благодаря феноменологическому методу могут быть описаны и увидены, оставаясь при этом скрытыми, как в конечном итоге «сверхфеноменальное» становится доступным в переживании.

В этой статье хотелось бы сделать несколько следующих шагов на пути осмысления феноменологии. Для этого я

предлагаю обратиться к трудам Александра Степанова и понять идеи большого теоретика, поэтому сконцентрируемся на двух концептуальных инструментах, которые он применяет к описанию архитектуры и города — поэтике и риторике. Изучив два текста «Феноменология архитектуры Петербурга» [10] и «Очерки поэтики и риторики архитектуры» [9], попробуем проблематизировать феноменологический метод, увидеть, как Александру Степанову удается применить его к архитектуре и к каким теоретическим последствиям это приводит.

«Поэтика и риторика», «геометрия и риторика»

Итак, Степанов предлагает поэтику и риторику в качестве основных инструментов для понимания архитектуры. Они дают два различных уровня или модальности, в которых архитектура существует, но не может быть сведена лишь к одному из них. Теоретик объясняет: «Поэтика предлагает нормативные, отвлеченные от творческих индивидуальностей образцы для подражания — для риторики важно, как ведет себя автор в конкретных ситуациях» [9, с. 8]. Если поэтика обращена во вневременное, то риторика исторична, если поэтика производит универсальный образ, то риторика заинтересована в различных и индивидуальностях.

Концептуальную пару поэтики и риторики Александр Степанов заимствует из словесности, но интерпретирует ее через оптику феноменологии архитектуры. Поэтика и риторика, присутствуя одновременно, делают архитектуру сравнимой с «живой речью», которая обладает двумя необходимыми качествами — информативностью и притягательностью. Первое качество достигается благодаря тому, что поэтика обеспечивает узнаваемость образов и жанра, которые понятны и могут быть любым зрителем восприняты в едином ключе. Благодаря же риторическим приемам архитектуры возникает притягательность непредсказуемого и индивидуального контекста ситуации.

В истории теории архитектуры у этой концептуальной пары есть важный предшественник — понятия геометрии и риторики в теории Леона Баттисты Альберти, которые внимательно анализируются в работах Василия Зубова [5] и вслед за ним Виктора Карпова. В интерпретации названных исследователей они также оказываются «взаимосвязанными, взаимопроникающими и трансцендентными историко-теоретическими и практическими инструментами создания и изучения архитектуры» [6, с. 65]. Геометрия у Альберти также связана с некоторыми универсальными правилами, извлеченными из наблюдений за «природой», общественного мнения и оценок «знатоков» [1, с. 20]. Риторика же используется для убедительного обоснования формы, она описывает ситуативное воплощение этих правил. Так мы можем наблюдать близкое родство этих концептуальных пар.

Одновременно с этим очевидно, что для Альберти отношения между геометрией и риторикой не являются равными и взаимопроникающими. Как отмечает Эрвин Пановски, он стремился установить законы красоты на основании математически упорядоченной чувственности, игнорируя экзистенциальный смысл красоты и акт воплощения формы [8, с. 39]. В конечном итоге риторика у Альберти уходит на второй, дополнительный уровень, все внимание концентрируется на геометрии — вневременных нормах и правилах, которые в архитектурном воплощении непременно должны быть проявлены. Та теория архитектуры, которая сформировалась в эпоху Возрождения и повлияет на все последующее архитектурное мышление, искала основания для автономии дисциплины в системе «всеобщих и безусловно значимых законов» [8, с. 48].

Пара «геометрия и риторика» обнажает одну из ключевых проблем теории архитектуры об отношениях между неизменной закономерностью и непредсказуемым, контекстуальным воплощением. Она приобрела артикулирован-

ный характер в XX в., вместе с критикой модернизма. Феноменология архитектуры также разработала свой метод для описания архитектуры, который предполагал более внимательное отношение к контексту и акту воплощения. В этом смысле ход, который предпринимает Степанов, дает нам возможность вписать феноменологию архитектуры в историю теории архитектуры вообще. Рассмотрим детальнее, каким образом трансформируется пара геометрии и риторики в феноменологической перспективе.

Равноправные модальности архитектуры

Прежде всего, у Александра Степанова геометрия заменяется поэтикой. Это очень важная трансформация, которая показывает, как формируется вневременное и эйдетическое в системе теоретика. Поэтика имеет возможность описать архитектуру через узнаваемый и в некотором смысле универсальный поэтический образ, который нельзя описать при помощи понятийного, математического языка или «осмысленной речи». Как указывает Гастон Башляр, «поэтический образ прорывает поверхность языка, он всегда приподнят над уровнем повседневной, осмысленной речи. Переживание поэзии тем самым дает нам спасительный опыт прорыва» [2, с. 15]. Для феноменологии поэтический принцип является ключевым, так как обнаруживает возможность описать вещь, как она есть, не навязывая ей рамки научных, технологических или других эпистемологических перспектив.

Поэтический язык способен схватить универсальный и неизменный образ, при этом не прибегая к четкой, строгой и однозначной артикуляции. Поэтика лучше приспособлена для создания типологии архитектуры, чем геометрия, функция или иные способы каталогизации элементов. Обращение к ней дает возможность Степанову отказаться от «типа здания» в пользу «архитектурных жанров», как у Боффрана [9, с. 419], архетипических элементов, как у Башляра, драматургических ситуаций, историй из педагогической практики и других альтернатив. Важно заметить, что такой «поэтический» каталог никогда не может быть завершен, так как он толерантен к порождению различий на основании свободных, поэтических признаков.

Аналогичное смещение от геометрии и любой другой жесткой артикуляции идеи или типа к поэтике происходит и в самой философии феноменологии. Мартин Хайдеггер отказывается от геометрии и трансцендентализма сознания в философии своего учителя Эдмунда Гуссерля ради полного погружения в мир, что, однако, приводит к значительной методологической трудности. В ситуации, когда нельзя отделить сознание от мира, мир становится неразличимым, скрывается от видимости. Хайдеггер открывает путь для тайны, феноменологии сверхфеноменального, когда вещи, чтобы быть представленными, нуждаются в опосредовании поэтического языка, который открывает и одновременно скрывает [11]. Для Степанова именно обращение к поэтике позволяет описать те неуловимые и таинственные образы, что скрывает архитектура.

Поэтика указывает на вневременные идеи, которые, однако, всегда воплощаются в некоторой материальной и контекстуально обусловленной форме. И тут мы приходим ко второму важному ходу Степанова — возвращению риторики в теорию архитектуры. Теоретик сообщает нам, что форма здания есть «результат риторической разработки эйдоса архитектором» [9, с. 419], что конкретная форма — это инвариант, адаптация идеи в соответствии с различными, многообразными и изменчивыми контекстами. Степанов выступает против «чистой» архитектуры без людей, делает акцент на воплощении архитектуры в конкретном историческом, социальном, политическом контексте, который определяет форму здания в равной степени, что и поэтический образ.

Таким образом, Александр Степанов утверждает роль поэтики, обращаясь к неартикулируемому, скрываю-

щему качеству идеи и образа, и роль риторики, открывая экзистенциальные смыслы архитектуры и города в их обусловленном и контекстуальном воплощении. Работу этой концептуальной пары теоретик показывает через описание конкретных кейсов, разбор историй о зданиях, городах и людях. Важно заметить, что если обращение феноменологии к поэтическому языку позволяет Башляру и Хайдеггеру обсуждать поэтические и универсальные образы дома [2], храма и чаши [12], то Степанову благодаря одновременному подержанию в поле обсуждения поэтики и риторики успешно удается работать с конкретными ситуациями и историями — применять феноменологический метод к архитектуре.

Феноменологическая оптика для описания архитектуры

Важным методологическим ходом Степанова являются, собственно, истории об архитектуре. Они всегда рассказываются по-разному, с меняющимися интонацией и манерой повествования, с включениями из разноплановых уровней архитектурной реальности, с применением дифференцированных типов описания. Такое разнообразие может навести на мысль об отсутствии единого способа описания архитектуры в феноменологии Степанова. Однако это не так — здесь следовало бы выделить два важных принципа. Первый заключается в сокрытии единой идеи здания в иноказательных описаниях риторических реальностей архитектуры. Второй — это группировка и структурирование историй в блоки и главы. Кажется, если присмотреться внимательней, то станет очевидно, что за этими ходами стоит суть метода теоретика и специфическая работа феноменологической пары поэтики и риторики.

Удобнее и проще будет начать со второго. В исследовании «Феноменология архитектуры Петербурга» в каждой главе Степанов показывает город и описывает его архитектуру с разных перспектив: анализирует историю основания и строительства, отдельные архитектурные элементы, условия восприятия, способы взаимоотношения зданий, драматургию и характер места. Поэтика архитектуры сводится здесь к обнаружению различных эйдосов, образов города в этих перспективах — в истории, в отношениях, в характере, в восприятии, в элементах. Их наличие указывает на плотную сцепку поэтики с риторикой — неизменные сущности Петербурга обнаруживают себя только в конкретных ситуациях и в разных перспективах.

Другой текст «Очерки поэтики и риторики архитектуры» структурирован в соответствии с «архитектурными жанрами», такими как храм, погребальное сооружение, памятник, дворец, замок, вилла, многоквартирный дом, правительственное здание, офис, музей, театр и т. д. Такое разделение близко тому, что делает Ганс Зедльмайр в «Утрате середины», но имеет принципиальное отличие. Австрийский искусствовед полагает, что идея или сакральная задача архитектуры одна, но воплощается она в различных формах и архитектурных жанрах [4, с. 38]. Разделение и умножение задач и жанров приводит к утрате «срединности» искусства. Воплощение, а значит — риторика, приводят у Зедльмайра скорее к порче и деградации идеи. Степанов же полагает, что существует множество эйдосов и они находятся в динамической связке со своими индивидуальными воплощениями — меняются вместе с ними.

А теперь вернемся к первому ходу. Отношения между поэтикой и риторикой не могут быть раскрыты через взаимодействие «архитектурного жанра», например, загородной виллы, храма, дворца, театра или музея и отдельных историями о воплощении образа в конкретной постройке. В описании Петербурга также образы города отступают и пропадают в дополнительных описаниях контекста. Как только автор начинает рассказывать о здании, вперед выходит именно риторика — контекст строительства, намерения архитектора, влияние эпохи и стиля, интеллектуальные ди-

скуссии времени и т. д. Кажется, что поэтика и любой вневременный образ, задающий экзистенциальные смыслы и ориентиры, растворяются в многочисленных обстоятельствах и проследить их влияние невозможно.

Чтобы увидеть оригинальность хода Степанова, необходимо взглянуть, как возникает поэтика и риторика в рассуждениях других архитектурных феноменологов. Кристиан Норберг-Шульц в одном из своих текстов детально разбирает значения и смыслы в западной архитектуре, одна из глав которого посвящена постройкам Древнего Египта [13]. Теоретик, прежде чем перейти к конкретным примерам и постройкам, дает большую вводную часть. В ней он рассуждает о том, какие смыслы и интенции существовали в египетской архитектуре вообще, как они связаны с представлениями древних о космосе, как они согласовывались с характеристиками ландшафта и географией места. Далее каждый из приведенных примеров, от пирамиды Джосера до храмов Нового Царства, он тестирует на наличие этих единых для всей цивилизации идей. Он приходит к выводу, что, несмотря на абсолютные и общие для египетской архитектуры смыслы, идеи претерпевают некоторые изменения, они трансформируются в процессах воплощения.

Александр Степанов действует совершенно иначе, он не верит в независимость поэтики от риторики и не пытается артикулировать общие для исторической эпохи или архитектурного жанра идеи. Степанов создает напряжение между поэтикой и риторикой в архитектуре благодаря постоянной вибрации, возвращению от контекста к неуловимому символическому значению, от радикальных различий к исчезающему, но считываемому, внеисторическому образу. Поэтика и риторика не могут быть разделены у Степанова, они не могут быть описаны в разных главах и быть расположены в разных уровнях. Образ здания возникает благодаря поэтическому описанию исторического контекста, задумки и высказываниям автора, обсуждениям преимуществ и недостатков здания другими теоретиками. Поэтика производится риторикой, но также и скрывается в ней.

Заключение

Попробуем подвести некоторые итоги. Концептуальная пара «геометрия и риторика» артикулирует важную для архитектуры и искусства проблему отношений идеи и воплощения, истоки которой можно обнаружить уже у Альберти. Их разделение в той или иной степени приводило к перевесу в одну или другую сторону и возникновению различных подходов к описанию архитектуры: психологического, краеведческого, исторического и других. Александр Степанов отказывается от имплицитного и пагубного разделения на идею и воплощение и предлагает иное решение. В своем феноменологическом подходе он вводит ряд изменений: предлагает для описания идеи использовать поэтику вместо геометрии, для работы с воплощением реабилитировать в правах риторику, и самое главное — не проводить жесткую демаркационную линию между идеей и воплощением.

Одновременное присутствие поэтики и риторики архитектуры, их взаимное проникновение и невозможность их разделения, с одной стороны, накладывает ряд сложностей — как можно обозначить в архитектуре идею и воплощение, если различить их нельзя? Идея возникает в обстоятельствах строительства, в инженерных и технических ограничениях, в замысле архитектора, в теоретической дискуссии вокруг жанра и стиля, в социальном и политическом контексте. С другой стороны, воплощение идеи дает некоторую устойчивость и неподвижность изменчивому контексту, наделяет художественное произведение вневременными, символическими и коммуникативными качествами. В конечном итоге именно неразделенность поэтики и риторики становится тем радикальным феноменологическим ходом, который позволяет архитектуре и городу самостоятельно «проявиться» в текстах Александра Степанова.

Список литературы:

1. Альберти Л. Б. О статуе. Перевод с латинского А. Г. Габричевского // Десять книг о зодчестве Т. 2. М.: Всесоюзная Академия Архитектуры, 1935. С. 11–23.
2. Башляр Г. Избранное: Поэтика Пространства. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 199 с.
3. Гуссерль Э. Начало геометрии. М.: Ad Marginem, 1996. 269 с.
4. Зедльмайр Х. Утрата середины. М.: Территория будущего, Прогресс-традиция, 2008. 638 с.
5. Zubov V. Архитектурная теория Альберти. СПб.: Алетейя, 2001. 466 с.
6. Карпов В. В. Риторика геометрии и геометрия риторики в архитектуре // Художественные миры XXI века. Пути интеграции архитектуры и арт-практик: коллективная монография. М.: БуксМАрт, 2020. С. 64–81.
7. Невлютов М. Р. Феноменологические концепции в теории архитектуры: дисс. ... канд. архитектуры: 05.23.20. Москва, 2021. 145 с.
8. Пановски Э. Idea. К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма. СПб.: Аксиома, 1999. 237 с.
9. Степанов А. Очерки поэтики и риторики архитектуры. М.: НЛЮ, 2021. 704 с.
10. Степанов А. Феноменология архитектуры Петербурга. СПб.: Арка, 2016. 395 с.
11. Хайдеггер М. Гельдерлин и сущность поэзии // Логос. 1991. Вып. 1. С. 37–47.
12. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический Проект, 2008. 526 с.
13. Norberg-Schulz C. Meaning in Western Architecture. New York: Rizzolli, 1975. 236 p.

References

- Alberti, L. B. (1935) *Desiat' knig o zodchestve [Ten Books about Architecture]*. Moscow: Vsesoiuznaia Akademiia Arhitektury Publ. (in Russian)
- Bachelard, G. (2004) *Izbrannoe: Poetika Prostranstva [Selected Works. The Poetics of Space]*. Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ. (in Russian)
- Heidegger, M. (1991) 'Gelderlin and the Essence of Poetry', *Logos*, 1, pp. 37–47.
- Heidegger, M. (2008) *Istok khudozhestvennogo tvoreniia [The Origin of Artistic Creation]*. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ. (in Russian)
- Husserl, E. (1996) *Nachalo geometrii [The Beginning of Geometry]*. Moscow: Ad Marginem Publ. (in Russian)
- Karpov, V. (2020) 'Rhetoric of Geometry and Geometry of Rhetoric in Architecture' in *Khudozhestvennye miry 21 veka. Puti integratsii arhitektury i art-praktik [Art Worlds of the 21st century. Ways of Integration of Architecture and Art Practices]*. Moscow: Buksmart Publ., pp. 64–81. (in Russian)
- Nevlyutov, M. (2021) 'Phenomenological Concepts in the Theory of Architecture', PhD Thesis, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering (NNGASU), Nizhny Novgorod. (in Russian)
- Norberg-Schulz, C. (1975) *Meaning in Western Architecture*. New York: Rizzoli.
- Panofsky, E. (1999) *Idea. K istorii ponyatiia v teoriiakh iskusstva ot antichnosti do klassitsizma [Idea. On the History of the Concept in Art Theories from Antiquity to Classicism]*. St. Petersburg: Axioma Publ. (in Russian)
- Sedlmayr, H. (2008) *Utrata serediny [The Loss of the Middle]*. Moscow: Territoria budushchego, Progress-traditsiia Publ. (in Russian)
- Stepanov, A. (2016) *Fenomenologiya arhitektury Peterburga [Phenomenology of Architecture of St. Petersburg]*. St. Petersburg: Arka Publ. (in Russian)
- Stepanov, A. (2021) *Ocherki poetiki i ritoriki arhitektury [Essays on Poetics and Rhetoric of Architecture]*. Moscow: NLO Publ. (in Russian)
- Zubov, V. (2001) *Arhitekturnaia teoriia Alberti [Architectural Theory of Alberti]*. St. Petersburg: Aleteia Publ. (in Russian)